

ПРОЛОГ

Лили

Когда я думаю о своей матери, мне хочется плакать. Ее жизнь — настоящий провал. Провал в любви. У нее могла быть нормальная семья, как у всех, но нет — у нее появилась я. Иногда я думаю, что для всех было бы лучше, если бы она никогда не стала моей матерью.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Габриэль

«А где папа Лили?»

Этого вопроса я не ожидала. По крайней мере, так рано. Моя дочь всегда была необычной.

Я не знала, что ответить, хотя в глубине души понимала, что солгать ей не смогу. Никогда. Ни в ее два с половиной года, ни в ее тридцать. Между нами всегда была только правда, ничего кроме правды. Даже если она причиняла боль, даже если мы не могли ее объяснить.

Так что я посмотрела дочке прямо в глаза и сказала: «Папа ушел».

Лили

Учительница в школе как-то спросила: «Папа — кто это такой?»

Сначала я решила, что она шутит. Она же видит пап каждого утра. И потом, она должна это знать. Учителя все знают.

Одноклассники пытались ответить на вопрос, и, как ни странно, все говорили разное. Когда подошла моя очередь, по глазам учительницы я увидела, что ей нужна помочь, и сказала: «Папа — это тот, кого никогда нет рядом. Кто-то вроде человека-невидимки, кажется».

Габриэль

Когда я сказала Лили: «Папа ушел» — помню, она сидела на полу и рисовала; ей нравилось так, хотя рядом стоял стол, — она вскочила. Начала открывать все двери, шкафы, сновала туда-сюда, как лабораторная крыса, потом сняла свои фиолетовые тапочки, надела туфли и распахнула входную дверь нашей квартиры.

Я всегда буду помнить, как спросила ее: «Лили, что ты делаешь?» И ее ответ: «Ну, я ищу папу!»

Лили

Отец меня не признал. В детстве я думала, это значит, что я на него не похожа. Но я не очень похожа на маму, значит, должна быть похожа на него. Должна же я быть на кого-то похожа.

Габриэль

Это же было очевидно. Он ушел — значит, нужно его искать.

Лили

Я никогда его не видела, даже на фотографиях. Он ушел, когда мне было три месяца. Три месяца, как я появилась в животе моей матери.

Нужно иметь мужество, чтобы бросить свою семью, когда ей всего три месяца.

Габриэль

С отцом Лили у нас, скажем так, не сложилось. Он ушел, а я осталась с лучшим подарком на свете.

Лили

«Когда появилась Лили...»

Мама говорит обо мне, как о посылке, которую получила по ошибке. Она до сих пор удивляется сюрпризу, который преподнесла ей жизнь.

Габриэль

Я задавалась множеством вопросов. Не столько о том, оставить ли ребенка, или подходящий ли сейчас момент, сколько о том, не эгоистично ли это с моей стороны. А если со мной что-то случится — что будет с ней?

Лили

Отца не было при подготовке к моему рождению. Не было, когда делали УЗИ. Когда у мамы отошли воды. Когда нужно было срочно везти ее в роддом. И держать за руку. Отца не было, когда настала пора перерезать пуповину.

Так что пуповина все еще на месте.

ГЛАВА 2

Габриэль

Первая ночь была ужасной. Ее забрали у меня и положили в инкубатор для новорожденных, подсоединив к целой куче трубок. Я стояла за стеклом, смотрела, как поднимается ее крошечная грудь, и плакала. Первый день, первая неудача.

Лили

Я родилась раньше срока. Видимо, торопилась начать жить и, главное, встретиться с мамой.

Габриэль

Слишком маленькая, слишком худая, слишком слабая. Потому что все случилось слишком рано. Я не знала, как удержать ее, как защитить. Мне нужно было продержаться еще месяц. Согревая ее в своем животе.

К жизни ее возвращала машина. Машина справлялась там, где я потерпела поражение.

Всю ночь яостояла у разделяющего нас стекла: молилась, надеялась, ждала. Именно тогда я поняла, что моя жизнь навсегда изменилась. Я стала уязвимой.

Лили

Моя мама постоянно тревожилась. Обо всем, без всякой причины. Не знаю почему, наверное, это у нее в характере. Я говорю ей, что так она себя доведет до какой-нибудь болезни. Из-за того что не спит по ночам, составляя всякие списки: «не забыть позвонить в больницу Неккер по поводу обследования через шесть месяцев», «не забыть подтвердить летний лагерь на июль», «не забыть записаться на предварительный осмотр машины перед ТО», «не забыть купить хлеб, чтобы сделать крок-месье* для Лили...».

У моей матери всегда «сначала дела, потом удовольствия». И самым большим удовольствием для нее было вычеркивать дела из списка.

Проблема заключалась в том, что новые дела появлялись каждый день. Поэтому я никогда не видела маму отдохнувшей, не перегруженной. Она вставала в шесть утра,

* Крок-месье (фр. croque-monsieur) — французский горячий бутерброд из тостового хлеба с ветчиной и сыром, иногда с добавлением сливочного соуса. — *Прим. ред.*

не спала по ночам и постоянно была начеку. Постоянно волновалась — но о чём?

Габриэль

Когда тебя совсем некому подменить и ты всегда должна думать обо всем сама — это тяжело, это постоянное напряжение, постоянная ответственность.

При малейшей оплошности тебе кажется, что ты справляешься вдвое хуже, чем любой другой родитель. Тебя осуждают, за тобой пристально наблюдают.

Если она плохо воспитана, если в школе у нее плохие оценки, если она дерзит, если больна, если... это всегда *моя* вина, всегда — результат того выбора, который я сделала в жизни.

Так что да, я не сплю по ночам. Я размышляю, стараюсь предугадать, готовлюсь к худшему, к любому развитию событий. Реально к любому: «Что, если со мной что-нибудь случится? Что, если я сломаю ногу? Если потеряю работу? Если заболею? Что, если...»

Готовлюсь ко всему, кроме одного. Кроме того, что ни один родитель и представить себе не может.

Лили

Никто и никогда не сможет разлучить меня с матерью. Пуповина, которую некому было перерезать, по-прежнему связывает нас.

Габриэль

Когда я впервые взяла Лили на руки, она уставилась в мои глаза, и в этот миг все любовные истории, проблемы, работа — все на свете исчезло. Все, кроме моей дочери. Лили стала центром моей вселенной.

Без нее моя жизнь больше ничего не стоила. Я была готова пожертвовать ею ради дочери. Но в тот же момент я поняла, что ничего не смогу сделать, чтобы уберечь ее от страданий или смерти. Наделенная непостижимой для меня силой, я даровала ей и жизнь, и смерть. И то и другое.

ГЛАВА 3

Габриэль

Я всегда буду помнить то лето. Мы отдыхали в кемпинге. Его название — «Водяная мельница» — особых удобств не предвещало. По правде сказать, и стоил он недорого!

Нам выдали маленькую оранжево-голубую палатку, ее установка далась нелегко. Когда мы собирались уезжать, Лили сказала: «Почему мы не купим новую? Она будет нашей и прослужит много лет!» Отдых в кемпинге ей нравился больше всего. Я ответила: «Нет-нет, если уж нам повезло и кто-то может просто дать ее напрокат... И вообще, я все детство ходила в походы, Лили, я знаю, что делать, я помню!» Но я забыла, как все было тогда: отец раздавал указания, мама обливалась потом, я держала центральную стойку, а они продолжали спорить. В результате мы с родителями больше никогда не ездили отдыхать вместе, а я так и не стала экспертом по стойкам и колышкам.

Я очень хорошо помню то лето с Лили: в тот год она научилась плавать.

Целую неделю она купалась со специальным поясом для плавания. Каждый день я снимала с него по одному поплавку, а она не понимала, что я делала. И вообще, они казались ей бесполезными и неудобными.

Но в последний день она все никак не могла решиться войти в воду. Стояла на скале и боялась прыгнуть, хотя там было не очень высоко. А может, и очень — ребенку вполне могло так показаться.

В общем... Она закричала: «Мамочка, мне страшно», а я ответила: «Давай, доверься мне!» И она прыгнула. В поясе, но без поплавков. И поплыла!

Она подплыла, повисла у меня на шее, обхватив ногами за талию — ни дать ни взять коала, — и сказала: «Ты это видела? Мам, ты видела?! Я сама!» Она становилась большей. И я гордилась ею. Всем, что она делает. А она продолжала твердить: «Я сама».

Лили

Мне нравилось отдыхать в кемпингах. Я чувствовала себя Робинзоном Крузо. Четыре колышка, веревка, дрова — и у нас было где спать и готовить еду. Это была чудесная жизнь. Мы с мамой прекрасно справлялись. Нас было двое, и мы были счастливы. Я помогала ей устанавливать палатку, держала центральную стойку, пока она возилась с боковыми, я натягивала брезент, а она забивала колышки. Это была свобода!

Дни напролет мы плавали и ныряли — и в дождь, и в солнце. Я прыгала со скалы, забираясь все выше, погружаясь все глубже. Мама всегда была рядом, готовая поймать меня, но это были мои личные подвиги, я совершила их сама. Одна. Кажется, я вообще ничего не боялась.

Кстати, моим первым словом было «сама». Мне не исполнилось и двух лет, а я уже без посторонней помощи ела маленькой ложкой: мне показали только, как провести ею по краю стаканчика, чтобы лишний йогурт не капал на стол. Кое-что получалось само собой — например, отправлять ложку в рот или держать книгу; мне не понадобилось этому учиться. Но были и такие навыки, которые пришлось отрабатывать тайком.

Габриэль

Не знаю, почему моя дочь всегда была такой скрытной. Занималась чем-то в уголке, в своей комнате, за закрытой дверью. Ничем особенным, но она всегда окружала свои дела тайной. Я никогда не знала, чем именно она занята...

Лили

Думаю, в нашей семье просто не принято показывать, что у тебя что-то не получается, что ты не справляешься, в чем-то сомневаешься, чего-то не знаешь... Поэтому приходится притворяться. Притворяться сильной. Мы никогда

не просим о помощи. Справляемся как можем. Сами. Особенно мама.

Не знаю, почему она такая. Почему и я тоже так поступаю... Может быть, я не хотела разочаровывать маму, не хотела показаться несовершенной, не способной преуспеть. Ей и так тяжело было все предусмотреть, так что лишних хлопот я ей доставлять не хотела.

Я не имела права на вопросы, только на ответы. У меня не должно было быть проблем, только решения. Не проси о помощи, а предлагай ее. Такова была моя роль. Так у нас повелось.

Поэтому я улыбалась и усиленно делала вид, что все в порядке, и довольно долго это срабатывало. В нашем дуэте пессимисткой всегда была мама. А значит, я должна была оставаться неисправимой оптимисткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru